

П. И. Гайденко

Круглый стол «Духовенство XI–XXI вв. в обществе и государстве: каноническое и правовое положение»

УДК 271.2-725-9+348(091)(049.3)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_2_112
EDN OSRYRG

Аннотация: В статье приводятся данные о работе круглого стола «Духовенство XI–XXI вв. в обществе и государстве: каноническое и правовое положение», который был организован Обществом изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»). Полностью представлен установочный доклад модератора — П. И. Гайденко, затем — изложение хода последовавшей дискуссии участников круглого стола. Основной темой обсуждения стал современный статус священнослужителя. Участники приводили примеры из сегодняшней епархиальной практики Русской Православной Церкви, обсуждали вопросы работы епархиальных церковных судов. Было отмечено, что изучение статуса духовенства в советский период российской истории — тема отдельного исследования. В заключение намечены направления дальнейших исследований, в том числе в русле темы «Церковное право и культура».

Ключевые слова: духовенство, Барсовское общество, церковное право, культура, церковный суд, сословия, конкордат.

Об авторе: **Павел Иванович Гайденко**

Доктор исторических наук, профессор кафедры исторических наук и архивоведения Московского государственного лингвистического университета, член редакционной коллегии журнала «Палеороссия. Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях», действительный член Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви («Барсовское общество»).

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

Для цитирования: Гайденко П. И. Круглый стол «Духовенство XI–XXI вв. в обществе и государстве: каноническое и правовое положение» / Сост и авт. вст. ст. П. И. Гайденко; и др. // Христианское чтение. 2023. № 2. С. 112–133.

Статья поступила в редакцию 20.03.2023; одобрена после рецензирования 28.03.2023; принята к публикации 03.04.2023.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE [Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 2

2023

Pavel I. Gaidenko

Round table “The Clergy of the XI–XXI centuries in the Society and in the State: Canonical and Legal Status”

UDK 271.2-725-9+348(091)(049.3)
DOI 10.47132/1814-5574_2023_2_112
EDN OSRYRG

Abstract: This article reports on the round table “The Clergy of the XI–XXI centuries in the Society and in the State: Canonical and Legal Status”, which was organised by the T. V. Barsov Society for the Study of Church Law at the St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church (“Barsov Society”). Moderator’s (P. I. Gaidenko) position paper presented in full was followed by a summary of the roundtable discussion. The main topic of discussion was the contemporary status of the clergy. The participants gave examples from the current diocesan practice of the Russian Orthodox Church and discussed the work of the diocesan ecclesiastical courts. It was highlighted that a study of the status of the clergy in the Soviet period of Russian history is a topic for a separate study. In conclusion, directions for further research were outlined, including the topic of “Ecclesiastical Law and Culture”.

Keywords: clergy, Barsov Society, ecclesiastical law, culture, ecclesiastical court, estates, concordat.

About the author: **Pavel Ivanovich Gaidenko**

Doctor of Historical Sciences, Professor of Moscow State Linguistic University; Member of the Editorial Board of the Journal “Palaeosia. Ancient Russia: time, personalities, ideas”; Full member of the T. V. Barsov Society for the Study of Church Law (“Barsov Society”) of St. Petersburg Theological Academy of the Russian Orthodox Church.

E-mail: prof.gaydenko@rambler.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2104-362X>

For citation: Gaidenko P. I. Round table “The Clergy of the XI–XXI centuries in the Society and in the State: Canonical and Legal Status”. Comp. and introd. by P. I. Gaidenko; et al. *Khristianskoye Chteniye*, 2023, no. 2, pp. 112–133.

The article was submitted 20.03.2023; approved after reviewing 28.03.2023; accepted for publication 03.04.2023.

15 марта 2023 г. в Санкт-Петербургской духовной академии состоялся круглый стол «Духовенство XI–XXI вв. в обществе и государстве: каноническое и правовое положение». Мероприятие прошло в рамках деятельности Общества изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви (Барсовское общество)¹. Вдохновителем и организатором круглого стола выступил П. И. Гайдено.

В работе круглого стола приняли участие²:

– протоиерей Александр Задорнов – кандидат богословия, заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин, проректор по научно-богословской работе Московской духовной академии;

– протоиерей Константин Костромин – кандидат богословия, кандидат исторических наук, доцент кафедры церковной истории, проректор по научно-богословской работе Санкт-Петербургской духовной академии;

– священник Владислав Баган – кандидат богословия, кандидат юридических наук, доцент кафедры богословских и церковно-исторических дисциплин Смоленской православной духовной семинарии;

– священник Стефано Каприо – доктор богословия, профессор Папского Восточного Института (Рим);

– диакон Сергей Кульпинов – кандидат богословия, доцент, главный научный сотрудник Томской духовной семинарии;

– Алексей Викторович Ведяев – кандидат богословия, доцент, заведующий кафедрой церковно-практических дисциплин, доцент Самарской духовной семинарии;

– Сергей Федорович Веремеев – кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и специальных исторических дисциплин факультета истории и межкультурных коммуникаций Гомельского государственного университета им. Франциска Скорины;

– Татьяна Александровна Долгополова – кандидат юридических наук, доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия» (Санкт-Петербург);

– Александра Андреевна Дорская – доктор юридических наук, заместитель директора по научной работе, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия» (Санкт-Петербург)

– Юлия Владимировна Ерохина – кандидат юридических наук, доцент департамента теории права и сравнительного правоведения, заместитель декана факультета права Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;

– Андрей Юрьевич Митрофанов – доктор исторических наук, доктор истории, искусств и археологии Лувенского Католического Университета, профессор кафедры церковной истории Санкт-Петербургской духовной академии;

– Юрий Владимирович Оспенников – доктор юридических наук, независимый исследователь (Самара);

– Игорь Александрович Пибаев – кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Волго-Вятского института (филиала) Университета им. О. Е. Кутафина, преподаватель Центра подготовки церковных специалистов Вятской Епархии Русской Православной Церкви (Вятское Духовное училище);

– Николай Александрович Тарнакин – магистр теологии, аспирант СПбДА, помощник директора Издательства СПбДА;

– Александр Анатольевич Хохлов – кандидат исторических наук, доцент кафедры антропологии и этнографии Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений ФГОУВПО

¹ Подр. см.: [Барсовское общество].

² Прот. А. Задорнов, А. В. Ведяев, П. И. Гайдено, А. А. Дорская, Ю. В. Ерохина, А. Ю. Митрофанов, Ю. В. Оспенников, А. А. Хохлов – действительные члены Барсовского общества.

«Казанский (Приволжский) федеральный университет», заместитель декана по научной деятельности;

— Алексей Васильевич Царегородцев — кандидат исторических наук, доцент кафедры общеобразовательных дисциплин Российской государственной академии интеллектуальной собственности;

— Борис Игоревич Чибисов — кандидат исторических наук, доцент кафедры теологии Тверского государственного университета;

— Сергей Олегович Шаляпин — кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Северного (Арктического) федерального университета имени М. В. Ломоносова.

Открыл работу круглого стола П. И. Гайденко, выступивший с докладом «Духовенство XI–XXI вв. в обществе и государстве: каноническое и правовое положение». Ниже приводится полный его текст.

П. И. Гайденко

Духовенство XI–XXI вв. в обществе и государстве: каноническое и правовое положение

Вопросы, которые сегодня будут обсуждаться, ранее не раз уже поднимались на различных мероприятиях Барсовского общества (например, проблема канонической грамотности священнослужителей³), однако до сих пор не было случая собрать эти разрозненные вопросы воедино и обсудить их на особом круглом столе.

Прежде чем я перейду к содержательной части своего доклада, хочу сразу сделать две важные оговорки. Первое. Уверен — и, надеюсь, все присутствующие меня поддержат, — что целью нашего сегодняшнего мероприятия является не сформулировать некий «наказ» священноначалию о том, как надо обустроить Русскую Церковь. Мы не собираемся раздавать советы и ценные пожелания. Барсовское общество — это научная организация, все здесь присутствующие — это ученые-исследователи, и потому мы собрались прежде всего для того, чтобы обозначить и, по возможности, изучить проблемные поля, связанные с понятием «духовенство».

Второе. В своем докладе я не буду специально разграничивать каноническое и церковное право. Все прекрасно помнят, сколько раз этот вопрос обсуждался на мероприятиях Барсовского общества, также он поднят в недавней статье Юрия Владимировича Оспенникова в «Христианском чтении» [Оспенников, 2023]. Но в сегодняшнем разговоре предлагаю всем не углубляться в этот аспект и использовать понятия «каноническое» и «церковное» как однозначные.

Теперь о том, что натолкнуло меня на тематику сегодняшнего круглого стола. В статье диак. Владимира Сологуба «Система управления высшим духовным образованием в новейшее время», опубликованной в журнале Московской духовной академии «Праксис» № 2 (7) за 2021 г. [Сологуб, 2021], автор, давая характеристику процессам развития церковного образования в 1996 г., помимо прочего, отмечает: «теперь духовное сословие окончательно принуждалось к интеграции в общегосударственные процессы» [Сологуб, 2021, 217]. В этой фразе, вполне точно отражающей реалии нашего недавнего прошлого, меня, что называется, «зацепило» использование термина «духовное сословие». Принимая во внимание то, что сегодня в России сословий не существует ни юридически, ни де-факто (любые мечты о «новом дворянстве» не стоит рассматривать в качестве программного заявления), и то, что данная журнальная статья является научным, а не публицистическим текстом, предложенная

³ Подр. см.: [Церковное право в свете исторической науки].

диака. Владимиром Сологубом характеристика духовной среды видится примечательной. Осознанно или нет, но отец Владимир отразил то, как себя осознаёт священническая среда. Это, несомненно, мечта о сословности, которая сочетается с непониманием самой природы сословия, его правового статуса и места в социальной и политической структуре общества. Конечно, сословие не может противостоять государству, не может принуждаться государством — которое, собственно, и определяет сословие — «к интеграции в общегосударственные процессы». Сословие является одним из продуктов государственной воли на определенном этапе развития общества.

Еще раз подчеркну: по моему мнению, данная статья примечательна тем, что вполне отчетливо отражает самосознание и самооценку определенной части духовенства, мечтающего о более высоком положении в общественных и политических структурах нашей страны. Не единожды встречаясь с подобными настроениями, должен сказать, что в церковной среде сословность, т.е. выделение духовенства в отдельное сословие, воспринимается как наделение духовенства особыми привилегиями. Окончательная убежденность в необходимости обсудить вопрос о каноническом и правовом статусе духовенства появилась у меня после прочтения в том же номере журнала «Праксис» статьи священника Василия Лосева «О некоторых правовых особенностях служения в Церкви (в контексте современного законодательства и церковных установлений)» [Лосев, 2021], отразившей представления о месте духовенства в трудовых правоотношениях с приходом и епархией.

Итак, какими были ранее и являются ныне канонический, социальный и правовой статус духовенства? В рамках сегодняшнего круглого стола я предлагаю посмотреть на данную проблематику в контексте истории, настоящего и вероятного будущего.

История

Для начала обратимся к истории. Но прежде я хотел бы отметить два аспекта. Во-первых, это критерии, определяющие высоту и значимость канонического и правового статусов духовенства. Во-вторых, отдельные проблемы современности, для того чтобы обсуждать их не столько в актуальном, сколько в историческом звучании.

Как мне видится, статус человека — и в обществе, и в Церкви, и в любой иерархической системе — определяется количеством материальных и духовных благ, которые передаются в его руки, а также тем, насколько основательно обладание этими благами, и тем, как общество принимает или должно принимать статус этого счастливицы.

Начну с общих исторических замечаний. Разумеется, как и всякие общие замечания, они могут грешить некоторой упрощенностью, которая, между тем, позволяет увидеть концептуальную картину.

Как уже было обозначено в ранее разосланных участникам нашего круглого стола тезисах, необходимо принять как данность то, что появление на Руси церковной иерархии стало результатом не столько инициативы самого населения (как, например, это можно встретить в Римской империи), сколько результатом политической воли княжеской власти и того узкого военно-политического слоя, который мы можем условно назвать «властными элитами», — знати в лице мужей и боярства. Именно они создают храмы и способствуют возникновению монашества. Однако уже первые упоминания о деятельности духовенства на Руси говорят о его малой востребованности в кругу горожан (а в домонгольский период Церкви — это явление прежде всего городской и замковой (сельской) культуры). Единственными активными участниками религиозной жизни, по крайней мере до эпохи Владимира Мономаха, выступают князья, боярство, дружина, мужи и купечество (вероятно, формировавшееся преимущественно из дружинной среды, как на это обратил внимание историк русского Средневековья Валерий Борисович Перхавко в своей работе, посвященной истории купечества и торговли на Руси (см.: [Перхавко, 2012, 44–85])). Повесть временных лет под 1068 г. прямо говорит о насмешливом отношении горожан к монашествующим (скорее всего, под ними могло пониматься и духовенство). Тридцатью годами ранее

Ярослав Мудрый буквально обязывает священников проповедовать, устанавливая для них руги, что ясно указывает не только на пассивность священства, но и на соответствующее отношение горожан к христианству.

Далее. Очевидно, что жизнь священника стоила недорого. Примечательно, что об ответственности за убийство священника сообщает только один-единственный документ, да и то являющийся черновиком, — договор Новгорода с Ригой. Он допускает, что за убийство «попа» необходимо заплатить штраф в 20 гривен. (Заметим, что в последующем XIV в., в описанных академиком В. Л. Яниным событиях, связанных с избранием очередного Юрьевского архимандрита Иосифа, подобная норма не помешала горожанам изгнать одного из игуменов, загнав того в храм и продержав в нем около суток [Янин, 2008, 167].) Вообще, история Киева и Южной Руси если и не изобилует, то приводит целый ряд примеров того, что священный сан не был защитой от гнева толпы или князя. Так, в событиях 1147 г. игумен Феодоровского монастыря, в котором пребывал князь-инок Игорь, был вынужден покинуть обитель и прятался у митрополита за стенами митрополичьего замка (двора). Пожалуй, единственный пример наказания за убийство священника — в истории о выступлении белозерцев-язычников против сбора дани и убийстве «попа Янева» (1071/72) [ПСРЛ, т. 1, стб. 164–171].

Не менее показательно отношение епископата к духовенству в домонгольской Руси — дистанцирование. Особенно хорошо это отражено в «Вопрошаниях» Кирика и Иоанна. Правда, необходимо признать, что духовенство, находившееся в юрисдикции князей (Новгорода, Владимира-на-Клязьме, Смоленска и Ростова) или города в лице торговых корпораций и старейшин (Киева и Новгорода), отличалось несомненно более высоким статусом, с которым были вынуждены считаться архиереи. Аналогичной была ситуация в отношении священников, имевших свое дело (в Новгороде — иконопись, ювелирное дело, ростовщичество). Не менее показателен знаменитый запрет патр. Германа II о непоставлении рабов, под которыми, вероятно, в данном случае понимались княжеские слуги. В целом создается впечатление, что не только социальный, но и канонический статус духовенства в большинстве случаев оставлял желать лучшего.

Конечно, об обществе и его страдах опасно судить только по пенитенциарным предписаниям и нормам, а также по назиданиям. Однако поучения архиереев к духовенству позволяют допускать, что образ живых пастырей оказывался неидеальным в глазах не только церковной иерархии, но и пасомых. Примечательно, что именно в монгольский период число таких поучений возрастает. Кстати, о комичном отношении к духовенству можно судить даже из былин, в которых, правда, смешаны реалии и представления нескольких эпох. Однако это не отрицает их «типичность» и устойчивость, для которых, видимо, были свои основания. Всю неоднозначность и канонического, и социального, и правового положения духовенства, в том числе вдового, продемонстрировали события вокруг Пскова и Новгорода, связанные с т. н. ересью стригольничества. Думаю, лучше всего именно эту сторону вопроса показывают статьи и диссертация М. В. Печникова [Печников, 2001; Печников, 2009; Печников, 2019].

Отметим, что оформление духовенства как сословия произошло только в 1649 г. стараниями князя Никиты Одоевского, когда было закреплено семь сословий. Причем в этом ряду духовенству отводилось «почетное» третье место, допускавшее телесные наказания и вводившее ряд социальных ограничений.

Таким образом, даже весьма предварительный обзор не дает оснований утверждать, что сама по себе близость духовенства к княжеской власти или же само по себе обладание священным саном наделяло священнослужителей каким-либо высоким социальным, каноническим или политическим положением. Скорее даже напротив, сан становился тем основанием, которое приводило к существенной уязвимости его носителя, что нуждается в отдельном рассмотрении.

Свои суждения о последующих эпохах, надеюсь, выскажут коллеги.

Сегодняшний день

Как мне видится, каноническое, правовое и социальное положение священнослужителей в современной России во многом характеризуется целым рядом противоречий.

Часть этих противоречий — результат крайне непростой ситуации внутри самих религиозных институтов, канонический, мировоззренческий и культурный фундамент которых сформировался и был закреплен в совершенно другие эпохи, который эклектичен, не систематизирован, не осмыслен. Как представляется, к данной ситуации оказалась не готова ни в каноническом, ни в правовом, ни в социальном отношениях иерархия большинства христианских Церквей. Воспитывая в священнике чувство осознания высоты пастырского служения, с одной стороны, современная каноническая и правовая организация Церкви в то же время не дает того, что, собственно, эту высоту и обеспечивает, создавая тем самым двойственность морали и бытовой каноническо-правой культуры, а с ними — мировоззренческий разрыв во всех областях.

Например, современное каноническое и правовое положение российского православного духовенства можно описать как существенное поражение и в канонических, и в гражданских правах. Так, например, далеко не всегда за штатным священником сохраняется место в алтаре для причащения у престола. В таких случаях священники причащаются как миряне, что является умалением их сана. Такое умаление священнического сана едва ли способствует авторитету пастырства...

Далее. Относительно возможности для священнослужителя обжаловать действия своего архиерея. Как уже неоднократно говорилось — в том числе и на мероприятиях Барсовского общества⁴, — священнослужитель не вправе обращаться в государственный суд по вопросам, касающимся церковной жизни. Конституционное право на обращение в суд гражданина России N. блокируется каноническими нормами, запрещающими N. как священнослужителю оспаривать в светском суде свои права, если ответчиком должна выступить Церковь в лице духовенства или самих церковных институтов. Вспомним, что еще покойный прот. Павел Адельгейм обращал внимание на то, что «Устав РПЦ учреждает церковный суд (гл. 1, 8) и запрещает клирикам и мирянам обращаться в органы государственной власти и в гражданский суд (гл. 1 п. 9)», «Положение о церковном суде не ставит задачу защитить человека — клириков и мирян»⁵. По сути, священник не может апеллировать к государственному суду, если дело касается Церкви, без последствий, что грубо противоречит и Конституции (ст. 46) [Конституция РФ], и ГПК Российской Федерации (Статья 3. Право на обращение в суд. «Заинтересованное лицо вправе... обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов») [ГПК РФ].

В то же время обращение в церковный суд для священнослужителя хотя и предусмотрено Положением о церковном суде от 2008 г. [Положение о церковном суде]⁶, малополезно.

Предлагаю присутствующим обратить внимание на такой факт. Все без исключения светские кодексы — Гражданский, Уголовный, Жилищный и т. д. — открываются общей частью, в которой излагаются основные положения, принципы и т. д. Это принцип кодификации, вытекающий из принятой у нас пандектной системы построения законодательства. Соответственно, можно этот принцип перенести и на законодательство церковное. Что же мы видим в Положении? Итак, Раздел I. «Общие положения». Глава 1. «Основные начала церковного судопроизводства и судопроизводства».

⁴ Подр. см.: [Принципы права и церковный суд: проблемные поля].

⁵ Наиболее полно канонические взгляды и позиция прот. Павла Адельгейма по вопросам каноническо-правового положения священнослужителей и церковного суда представлены в двух его работах: [Адельгейм, 2008; Адельгейм, 2016].

⁶ Документ принят на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви 2008 г. На Архиерейском Соборе 2017 г. в Положение о церковном суде были внесены изменения.

Смотрим Статью 6. «Правила наложения канонического прещения (наказания)». И что мы видим? «В случае подачи **клириком** явно клеветнического заявления о совершении **епархиальным архиереем** (выделено мною. — П. Г.) церковного правонарушения заявитель подвергается тому же каноническому прещению (наказанию), которое было бы применено в отношении обвиняемого лица, если бы факт совершения им церковного правонарушения был доказан (II Вселенского Собора 6 правило)». То есть уже в общей части церковного «кодекса» клирик ставится в заведомо униженное положение по отношению к архиерею.

Далее. «При рассмотрении Высшим общецерковным судом первой инстанции дел в отношении архиереев объяснения обвиняемого лица заслушиваются **в отсутствие заявителя и иных лиц, участвующих в деле** (выделено мною. — П. Г.), если обвиняемое лицо не настаивает на даче объяснений в присутствии указанных лиц» (Ст. 39). О каком праве здесь можно говорить?..

В целом современный церковный суд, рассматривая лишь «церковные правонарушения» (ст. 33), не предусматривает разрешения спорных аспектов церковной жизни, возникающих между священнослужителями (включая архиереев).

Далее. О трудовых правах священнослужителей. Действующим церковным правом, т. е. актуальными церковными документами, священнослужитель фактически поражен в своих трудовых правах.

Во-первых, священнослужитель не является в полном смысле работником, поскольку с ним не заключается трудовой договор [Письмо Управления делами Московской патриархии от 11.03.98 № 1086], он не имеет трудового стажа и получает лишь страховой стаж, а это означает, что его пенсия будет нищенской (если он не будет иметь стаж по иным работам, кроме священнослужения).

Во-вторых, священнослужитель фактически не получает гарантированного права на оплачиваемый отпуск, отдых, минимальную оплату труда, оформление больничного и т. д.

В-третьих, гарантируя пенсионное обеспечение епископату [Документы Архиерейского Собора 2011], Церковь не гарантирует пенсию для священнослужителя, оставляя этот вопрос на усмотрение архиерея и за государством [Устав РПЦ, гл. 22]. Размытость формулировок и отсутствие механизмов влияния на выполнение даже таких положений делает данную статью в отношении духовенства чисто декларативной.

Далее. О жилищных правах священнослужителей. Ни о каком высоком не только социальном статусе, но и обычном гражданском положении нельзя говорить тогда, когда дело касается бытового положения пастыря. Например, вопрос со служебным церковным жильем. Предоставление работнику служебного жилья определяется Жилищным кодексом России [Жилищный кодекс РФ, ст. 101]. Собственно, и гражданский устав прихода обязывает приходы озаботиться решением жилищного вопроса для священнослужителя. Казалось бы, при приезде на приход — далеко не всегда, но чаще всего — священнослужители нередко получают приходское жилье, которое вполне можно рассматривать как служебное. Однако, во-первых, предоставление таких помещений не сопровождается договором, поскольку священнослужители не являются работниками. Во-вторых, семья пастыря в случае его смерти может быть, и будет выселена. Как ни странно, обоснование этому можно найти в букве законодательства, что, однако, противоречит духу этого законодательства. В принципе, ст. 103 Жилищного кодекса РФ может быть применена и в описанном случае для защиты семьи священника. Однако для этого необходимо обращение в суд, что, в свою очередь, несет для членов семьи священнослужителя угрозу наложения на них церковных санкций, оговоренных уже в церковных документах.

Таким образом, возвращаясь к высказыванию диак. Владимира Сологуба, необходимо признать, что как раз именно в случае следования церковного законодательства в русле государственного права священнослужитель может обрести свои права и обязанности, а с ними и искомый статус в обществе. Останется лишь не утратить их в силу личных несовершенств.

Ближайшее будущее

Ну и, наконец, о перспективах. Какими видятся они?

Говорить о перспективах — дело неблагоприятное и опасное. И все же. Современная ситуация такова, что канонический, правовой, а вместе с ним и социальный статус духовенства в среднесрочной перспективе видится зависящим от множества обстоятельств. Во-первых, от отношения государства к Церкви. Во-вторых, от того, насколько адекватно статус священнослужителя будет определяться самой Церковью.

На сегодня можно сказать, что многое зависит либо от личности конкретного священника или диакона, либо от отношения конкретного архиерея к врученным его попечению клирикам, либо от воли главы района, губернатора и т. д. По этой причине мы видим искаженные представления духовенства и церковного сообщества о статусе священнослужителей. Что не менее печально — мы видим неупорядоченность действующих церковно-правовых норм, каноническую безграмотность или малограмотность епископата, духовенства и церковных судей, фактически бесправное положение священнослужителей и членов их семей, всецело зависящих от воли архиерея.

Далее. О восприятии духовенства окружающими. Образ жизни, культуры и самоосознания священнослужителей говорит о том, что духовенство в перспективе все более явно будет дрейфовать в сторону особой субкультуры, обладающей чертами маргинальности, асоциальности и агрессивности по отношению к внешнему миру. Еще и еще раз повторюсь: одной из основных причин описанного мне видится крайне низкий уровень церковно-правового (канонического) сознания и сомнительная богословская подготовка духовенства (невзирая ни на какие дипломы об образовании либо даже ученые степени...)

Я вовсе не хочу утверждать, что описанное затронет всех пастырей. Безусловно, будут и добрые исключения. Однако ожидаемое станет характерным не только для духовенства, но и для церковной среды, культура которой все более становится похожей на культуру протестантских общин Запада. И в эту среду такое духовенство вполне впишется. Однако это будет не сословие, как об этом порой принято говорить, а именно специфическая субкультура, которая может себя считать тем, чем пожелает, и верить, во что пожелает...

* * *

После доклада П. И. Гайденко работа круглого стола продолжилась в формате общей дискуссии.

Свящ. Владислав Баган: Должность епархиального секретаря во многом связана с деятельностью епархии как юридического лица. Что касается статуса священнослужителя с точки зрения государства, то он повышенный, т. е. священник — это не простой гражданин. Поэтому у него всегда есть т. н. зеленый коридор. Особенно это ощущается, когда после того, как ты работаешь юристом, ты становишься священником. Статус священника в Церкви — это прежде всего каноническая ответственность. При этом Церковь ограничена в своих наказаниях — тут всецело любовь. Однако не исключаются и методы экономического и юридического воздействия, которые действительны и применяются на епархиальном уровне весьма часто. При этом есть определенная опасность архиерею впасть в это искушение как руководителю организации. Церковь сама по себе наказывать фактически не может, степень ее воздействия всегда благодатна. Но как организация Церковь, конечно, ущербна. Что же делать? Необходимо внешнее воздействие государства, которое в то же время было бы заинтересовано и подчинялось бы каноническим нормам. Если обратиться к дореволюционному опыту, то это может быть Помазанник Божий.

П. И. Гайденко: Современная ситуация почисления священнослужителя за штат — это увольнение. Т. е. не только нарушаются канонические нормы о содержании духовенства...

Свящ. Владислав Баган: В практике Смоленской епархии, если настоятель по каноническим нормам запрещается в служении, то как руководитель юридического лица он заменяется на другого священника. Однако церковный суд в таком случае назначает ему какое-то послушание и содержание. Главное — церковный суд устанавливает срок для исправления, для возвращения. Таким образом архиерей заботится о священнослужителе. Кстати, хотел бы сказать, что церковным судом нашей епархии в этом году были восстановлены в священнослужении трое человек после принесенного ими покаяния. И произошло это восстановление во время рассмотрения их дел о лишении священного сана.

П. И. Гайденко: Хотелось бы отметить, что чаще всего, говоря о наказании священнослужителя, мы уходим в область позитивного права, совершенно забывая о богословской стороне проблемы. При этом мне видится большой проблемой то, что сегодня церковный суд носит обвинительный характер⁷ и не занимается разрешением споров. И еще отмечу. Проблемой является статус семьи священнослужителя, поскольку семья является заложником статуса главы семьи. Это особенно важно при наличии в его семье несовершеннолетних детей.

Прот. Александр Задорнов: У меня реплика по поводу доклада. Священнослужитель живет в совершенно другой правовой культуре, чем обычный гражданин. Дело в том, что средневековая феодальная система подразумевает правовую «культуру пакта», которая в Новое время сменяется «культурой договора». Священник живет в старой «культуре пакта», которая предполагает прежде всего следующее: никаких договорных обязательств, только личная преданность сюзерену, невозможность оспаривания в суде нарушений твоего статуса, нефиксируемые обязательства, которые ты выполняешь, потому что принадлежишь своему сословию. Что касается вопроса о сословиях. Мы, конечно, можем делать вид, что духовенство живет сегодня в новой правовой реальности, но, раз за разом поднимая эти вопросы, мы убеждаемся, что это не так. Есть два фактора, которые эту сословность отменить не могут, вне зависимости от того, признается ли она на уровне государства. Первое — это канонические требования к статусу священнослужителя. На Руси, в Российской империи, в Российской Федерации они одни и те же. Они могут иметь тот или иной режим применения, но они всегда есть. Не может человек стать священником без учета определенных условий, для государства являющихся юридически ничтожными. Поэтому есть некое ядро — каноническое, — которое в принципе нарушено быть не может. Второе — это то, что у нас и в государственном законодательстве есть примеры некоторой квазисословности, например, статус военнослужащих [О статусе военнослужащих]. То есть существуют примеры, когда даже такие понятия, как свобода человека и гражданина, ограничиваются государством. Также нельзя забывать, что на канонической территории Русской Православной Церкви, находящейся на территории других государств, существуют законы о статусе именно Русской Православной Церкви, т. е. духовенство там существует вовсе не в безвоздушном пространстве.

Прот. Константин Костромин: Хотелось бы обратить внимание на противоречивость поставленных проблем. Мы сейчас смешиваем некое самоограничение духовенства как социальной группы — каким с точки зрения светского права является добровольное принятие подчиненности церковному праву, которое государство не признает. Здесь возникает развилка: человек может находиться в процессе выхода из священного сана, т. е. из социальной группы духовенства, и его отношение к добровольно принятым на себя каноническим нормам может начинать меняться. Он может начинать с того, что он признаёт эти правила для себя, но ищет выход из социального сословия исходя из канонических норм. Постепенно он от них начинает дистанцироваться и апеллировать только к светскому законодательству, переставая принимать канонические нормы как значимые. Крайне важно не смешивать канонические нормы, которые священник принимает на себя добровольно, и правовые нормы государства.

⁷ Об этом подр.: [Принципы права и церковный суд: проблемные поля].

Поэтому сегодня понятие социальной группы важнее, чем понятие сословия, т. к. есть формы — и не только среди военных, но и, например, в банковской сфере, — которые для нас являются аналогией. И по поводу «квазисословия». В Советском Союзе духовенство было если не квазисословием, то довольно специфической социальной группой, в значительной степени пораженной в правах, причем это не регламентировалось государственным законодательством напрямую. Еще замечу, что мы должны рассматривать положение духовенства не только ретроспективно, но и перспективно, а перспектива такова, что государственное право играет все большую роль в жизни и деятельности духовенства. Это выражается прежде всего в том, что духовенство все больше апеллирует к государственным нормам, при этом значимость корпоративных норм Церкви снижается. Также нельзя забывать о появлении разнообразных профессиональных стандартов. И не за горами появление профстандарта духовенства. Именно под этот стандарт писался ФГОС⁸ по теологии, чтобы готовить духовенство по государственному стандарту. И духовенство в дальнейшем вынуждено будет строить свою жизнь в соответствии с этим профессиональным стандартом. Это явный перекос в пользу государственного права по сравнению с церковным. Поэтому для нас обсуждение перспективы даже важнее, чем изучение ретроспективы.

А. В. Царегородцев: Реплика по докладу. Можем ли мы говорить, что юридически епископат более защищен, что его статус приближается к понятию привилегированного сословия? Чем епископат и рядовое духовенство отличаются в плане правовой защиты *de jure* и *de facto*? Также, можем ли мы считать обязательным критерием сословности замкнутость?

П. И. Гайденко: Проблема сословности — это проблема самовоспроизводства. Сословность — это порождение того периода, когда не было такого социального лифта, как образование. Что же касается защищенности, то, разумеется, епископат лучше защищен в правовом отношении.

А. В. Царегородцев: Несколько слов о положении англиканского духовенства XIX в. Что касается рядового духовенства, то существенные различия в правовом, материальном положении зависели от того, является ли человек настоятелем, или же помощником священника. При этом в XIX в. духовенство не было замкнутым сословием. Очень приветствовался приход в Церковь людей с высшим светским образованием, при этом важно было, чтобы такой человек прослушал курс богословия в университете и сдал экзамен епископу. Затем ему нужно было найти настоятеля, который взял бы его на приход. После этого он мог стать священником. При этом очень четко различались сан и должность. Статус священника зависел от наличия покровителя, который мог бы его продвинуть на вакантную должность настоятеля (ректор или викария), что давало уже значительные блага.

Свящ. Стефано Каприо: Католическая Церковь, говоря о каноническом и правовом статусе духовенства, исходит из принципа отделения Церкви от государства и из необходимости конкордата. В истории России был конкордат от 22 июля (3 августа) 1847 г.⁹, который не очень хорошо действовал, т. к. священников — в основном выходцев из Польши — подчинили Католической духовной коллегии, и такое положение Католическая Церковь не принимала. Поэтому какое-то время была сложность в церковно-государственных отношениях, но потом было разрешено не подчиняться

⁸ Современный Федеральный государственный образовательный стандарт (ФГОС) предполагает подготовку теологов. Их готовят в духовных высших учебных заведениях и на кафедрах теологии светских вузов. В связи с ФГОС предполагается формирование профессионального стандарта духовенства, что создаст правовые основания для появления профессии «священнослужителя» и требований, предъявляемых к подготовке «профессиональных» пастырей. Сложность заключается в том, что есть институция по созданию и доработке ФГОС — Федеральное учебно-методическое объединение по теологии, базирующееся в ПСТГУ, но включающее в свой состав представителей не только других вузов и регионов, но и других религий, однако нет институции, которая разработала бы профессиональный стандарт.

⁹ Подр. см.: [Подписан конкордат].

духовной коллегии. Некоторое время статус католических священников в Российской империи был подвешенным, однако при этом была возможность получения в России духовного образования.

В Италии в прошлом веке было два конкордата, вначале в 1922 г., когда необходимо было компенсировать Церкви то, что было отнято при объединении государства Италии. Поэтому государство взяло на себя содержание духовенства. Это было изменено в 1987 г., когда при правительстве социалистов новым конкордатом была установлена новая система: духовенство финансируется из налогов населения, которые выделяются именно на нужды Церкви. Хочу отметить, что установление отношений Церкви с государством выгоднее для Церкви, чем включение Церкви в саму структуру государства, когда существует не разделение, а симфония. В разных странах конкордаты действуют по-разному, с учетом национальных законодательств. Ежегодно епископы подают в финансовый институт Церкви списки священников, в которых определяются их статусы, и уже от этого зависят их блага. При этом если священник где-то преподает — как, например, я, — то сумма, которую он получает за преподавание, отнимается от его зарплаты в Церкви. Подчеркну, что существует право каждой епископской конференции установить свои правила вознаграждения духовенства. Также отмечу, что многие из ранее существовавших в рамках конкордатов привилегий духовенства сегодня, при Папе Франциске, из-за многочисленных скандалов пересматриваются и отменяются.

П. И. Гайденко: Система конкордата весьма интересна. Сегодня в России есть проблема, т. к. в законодательстве не прописано разграничение полномочий государства и Церкви, российское право предполагает свое безусловное главенство. Система конкордата не только разрешала бы это противоречие, но, самое главное, она определяла бы сроки своего действия, чтобы эту систему можно было в перспективе дорабатывать и совершенствовать.

А. Ю. Митрофанов: Реплика относительно сказанного прот. Александром Задорновым. «Культура пакта» — это упрощенное представление о правовых реалиях Средневековья, ибо в Западной Европе тогда существовали определенные обязательства сюзерена перед вассалами. Поэтому, если мы говорим о «культуре пакта» как об отличительном признаке средневековой цивилизации, то здесь уместнее говорить о Московской Руси и об ордынской государственности — о Монгольской империи, о Золотой Орде. Московское государство как преемник политических традиций Золотой Орды унаследовало «культуру пакта». Хотя вопрос о преемственности не так прост, дискусионен... Таким образом, я здесь выступаю с некоей реабилитацией Средневековья.

Далее, относительно сказанного свящ. Владиславом Баганом. Необходимо определиться с богословской терминологией. Священник принимает сан для того, чтобы служить, а не для того, чтобы работать. Поэтому отношения архиерея и священника не могут полностью описываться в терминологии светского права. Здесь есть коллизия, т. к. право Церкви предполагает некую иную, духовную реальность, нежели государственное законодательство. Именно с этим связано учение о т. н. неизгладимости печати священства.

Наконец, по поводу сказанного свящ. Стефано Каприо. Неправомерно рассматривать соглашение между Николаем I и Папой Пием IX как конкордат в классическом смысле этого понятия, т. к. император не был католиком, а был главой Православной Церкви, и потому не мог рассматривать Папу как законного канонического архиерея. Следовательно, это соглашение было лишь политическим договором, а не документом канонического характера. Кроме того, это соглашение не было равноправным с точки зрения российского государства, что и проявилось впоследствии, после подавления польского восстания. Что же касается самого принципа конкордата, то я позволю себе вспомнить термин «проституирование клира», встречающийся в антилатинской протестантской полемике еще со времен Реформации, когда отмечалось, что финансовый аспект независимости клира весьма уязвим, прежде всего с точки

зрения Священного Писания. Мне кажется, что идея конкордата при всей ее внешней привлекательности для нас несет в себе серьезные богословские проблемы, ибо финансовую независимость Церкви от государства иногда приходится покупать очень дорогой ценой, продавая душу... Это подтверждает история папства, в частности история понтификата Григория VII.

П. И. Гайдено: Согласен, что отношения священника и епископа — это не совсем рабочие отношения. Однако действующее законодательство говорит именно о трудовых взаимоотношениях. При этом из него исчезло понятие «служащий», которое в Советском Союзе относилось к интеллигенции, поэтому когда я, как профессор, прихожу фактически на службу в свой университет, я формально прихожу на работу.

Свящ. Владислав Баган: К сожалению, взаимоотношения, когда встречаются харизма епископа и печать священства клирика, не соответствуют тем правоотношениям, которые существуют сегодня в Церкви. Они в большей степени юридические. И поэтому сегодня в церковном суде нам трудно разграничить, где мы судим прп. Авраамия Смоленского (которого судить вообще не надо, ибо он святой), а где преступника.

Свящ. Стефано Каприо: Я соглашусь с Андреем Юрьевичем, что соглашение с Николаем I не было конкордатом в полном смысле слова, но не будем забывать, что отношения между русскими царями и Католической Церковью всегда были непростыми. Например, Екатерина II приняла на себя покровительство над Католической Церковью и тем спасла Общество иезуитов. В то же время, когда Могилевскую католическую епархию перевели в Петербург, это сделали без согласования с Ватиканом. Что касается упомянутого «проституирования клира», то мы, католические священники, сами зачастую жалуемся на эту систему, ощущая себя крепостными у епископов. То есть сложно считать существующие сегодня варианты конкордастов идеальными. Но это система, которая старается учитывать разные изменения, уровни развития государственно-церковных отношений. Понятно, что это компромисс, а он никогда не идеален.

И. А. Пибав: Мы в Вятской епархии на курсах подготовки священнослужителей часто разбираем вопросы правового положения духовенства, обеспечения исполнения светского законодательства. Поэтому я соглашусь с П. И. Гайдено, что современное социальное положение духовенства, которое регулируется нормами светского права и каноническими нормами, не подчеркивает его высокий статус. Наши студенты, которые готовятся к принятию сана, — взрослые люди, которым за 40, среди них есть те, кто получил уже пенсию, как, например, сотрудник полиции. То есть получив определенные государственные социальные гарантии, они теперь могут стать священнослужителями, поскольку не зависят от возможности прихода содержать их.

В то же время не могу согласиться с прот. Александром Задорновым, т.к. статус военнослужащих ограничен публичным интересом государства, которое, ограничивая права, дает множество льгот. Семьи военнослужащих максимально защищены. В ситуации духовенства никакой подобной защиты нет.

Также хотел бы сказать о проблеме привлечения духовенства к ответственности по нормам канонического права. Полагаю, нужно вспомнить дело Патриарха Иерусалимского Иринейя, лишённого в 2005 г. сана Синодом¹⁰. Спустя 14 лет, в 2019 г., новый Патриарх Иерусалимский Феофил восстановил его в священном сане с титулом «бывший Патриарх Иерусалимский». Этот пример показывает большую сложность вопроса церковного наказания.

Прот. Александр Задорнов: Вопрос о лишении сана, в том числе о сроках, — это тема отдельного обсуждения. Наш Высший Общецерковный суд уже неоднократно восстанавливал лишённых сана клириков, это входит в его полномочия. Я своим студентам задаю вопрос: когда священник перестает быть священником — в момент совершения преступления, за которым следует лишение сана, или в момент росписи

¹⁰ Подр. см.: [Заявление Иерусалимского Патриархата, 2005].

архиерея под решением суда? Все понимают, что если мы занимаемся богословием, то ответ первый, а если мы занимаемся каноническим правом, то ответ второй. Более того, церковные каноны тоже на это указывают, — когда клирик не признается в совершении преступления, ситуация «не пойман — не вор».

Есть смысловое противоречие, когда для того, чтобы человека сделать священником, требуются как минимум определенные литургические действия, а для того, чтобы лишить его сана, таких действий не требуется, нужен лишь ряд бюрократических судебных процедур. И для того чтобы восстановить его в сане, не требуется никаких литургических действий...

П. И. Гайденко: Есть небольшое историческое уточнение. Судя про всему, возвращение сана Луке Жидяте сопровождалось провозглашением, причем публичным¹¹. По словам летописца, была использована некая формула, вероятно греческая, — ему была возвращена область и власть его [ПСРЛ, т. 3, 182–183; ПСРЛ, т. 4, 118–120].

И еще пара замечаний. Во-первых, сегодня в Православной Церкви отсутствует понятие реабилитации. Во-вторых, понятие сана мы должны рассматривать в контексте греческих норм, исходя из их терминологии. При этом нужно различать, что понимается под термином «сан»: сан как титул или сан как обладание благодатью? Этот аспект богословски и терминологически вообще не рассмотрен. Поэтому мы не можем ссылаться на славянские тексты, необходимо вернуться к греческим оригиналам.

Ю. В. Оспенников: У меня есть ряд замечаний по тому блоку вопросов, который касается взаимоотношений государства и Церкви. Во-первых, это новое понятие, появившееся на нашем круглом столе, — термин «квазисословие». Я категорически не согласен с обсуждавшейся здесь аналогией с военными. Если мы говорим о становлении сословных структур и обратимся к феодальной Европе, мы там увидим таблицы-схемы сословий, количество которых доходило до ста. Они все строго иерархизированы. Именно сословия иерархически соподчинены. Если же мы говорим о военных, то они строго юридически не занимают в общественной структуре иерархическое положение и не вступают в конфликт с конституционным принципом равенства граждан. Поэтому о квазисословных группах можно говорить в другом смысле, и это никак не связано с сословной структурой.

С другой стороны, обозначенное П. И. Гайденко в его докладе стремление к сословности имеет прежде всего вполне конкретные материальные основания (о которых в сегодняшней беседе не было сказано ни слова), также оно имеет и ряд политических оснований. И сегодня никто не поднял вопрос о той функции, которую данная конкретная группа выполняет в системе общественных отношений. Функция эта вполне очевидна, ее вполне осознает и само духовенство, ее осознает и государственная власть, — это идеологическая функция. Насколько хорошо она выполняется — это другой вопрос. Важно то, что к ней стремятся и государство, и Церковь. Очевидно стремление к политизации Церкви и выполнению ею идеологической функции. И здесь возникает вопрос: идеологическая функция, которую стремится выполнять Церковь (и государство хотело бы, чтобы ее выполняла Церковь), насколько находит ответ в глазах общества? Здесь мы видим серьезные противоречия, т.к., согласно социологическим исследованиям, лишь 4–6% от числа людей, заявляющих о себе как о православных, действительно являются воцерковленными. И если мы говорим о конкордате, то налоги (тех самых 4–6% населения), которые должны собираться в пользу Церкви — сразу оговорюсь, что я считаю это идеальным вариантом, гораздо лучше нынешней непрозрачной, вызывающей массу нареканий (в плане права, из-за коррупционных схем) системы «кормлений», — достаточны ли для содержания того церковного механизма, тех материальных объектов, которые Церковь на себя взяла? Ведь сейчас, по сути, Церковь и ее деятельность финансируется за счет всех граждан России, — это и прямое финансирование, и разного рода льготы, и разного

¹¹ О личности Луки Жидяты, обстоятельствах суда над ним и возвращения доброго имени см. подр. исследование И. В. Дергачевой, В. В. и С. В. Мильковых: [Дергачева, Мильков, Милькова, 2016].

рода оговорки в законе, позволяющие вести разнообразную деятельность, в том числе по извлечению прибыли. И все это происходит и за счет тех граждан, которые либо равнодушны, либо настроены положительно, но при этом не хотели бы и не принимают участия в жизни Церкви. Это весьма острое противоречие. И если говорить о месте духовенства в современной жизни, то, может быть, начинать надо с решения этих вопросов?..

Ю. В. Ерохина: Мне хотелось бы отметить, что для целей нашей дискуссии интересна межконфессиональная диалоговая форма, когда через сравнительный анализ можно будет выявить возможные противоречия, различия в практиках и т. д. Отсюда мне видятся направления дальнейших исследований, например, с точки зрения «внешнего взгляда», т. е. репрезентация образа духовенства через культуру [Церковное право и культура: грани взаимодействия]. Я имею в виду даже не всю культуру, а, в частности, кинематограф (и я даже представляю себе тот перечень фильмов, которые можно было бы обсудить). Это дало бы возможность изучить отражение образа священнослужителей в общественном сознании, выявить позитивные и негативные стереотипы, соотнести их с историческим контекстом, с современным правовым положением.

П. И. Гайденко: Да, тема взаимоотношения церковного права и культуры будет обязательно продолжаться на мероприятиях Барсовского общества. Мы будем говорить об этом. В самом деле, и искусство в целом, и кинематограф в частности, оставили нам громадную палитру всевозможных образов священнослужителей, начиная от иерархов вплоть до младшего клира.

А. А. Хохлов: Для меня большой интерес представляет влияние социокультурной среды, на которую обратил внимание Ю. В. Оспенников. Если мы обратимся ко 2-й пол. XIX в., то обнаружим, что налицо эволюция правового положения духовенства. Начиная со времен Александра I, когда окончательно был снят вопрос о телесных наказаниях духовенства (указом 22 мая 1801 г. отменялось применение телесного наказания по суду к священникам и диаконам [ПСЗРИ, I, т. 26, № 19885]), и заканчивая началом XX в. мы видим невероятные изменения правового положения священнослужителей. Оно со временем приобретает массу прав и становится если не привилегированным, то уж точно полупривилегированным... Но проблема заключалась в том, что все это было в теоретической плоскости. А в реальной повседневной жизни и тех социокультурных практиках, которые были характерны для российского общества — в особенности для регионов, отличавшихся полиэтническим характером, — ситуация зачастую выглядела совершенно противоположной. Духовенство, обладая определенным статусом, возвышаясь над некоторыми социальными группами, никакой возможности реализовать эти права не имело. Если же говорить про современность, то, помимо социокультурного аспекта, этническая пестрота как особенность отдельных регионов России накладывает отпечаток на реализацию прав духовенства. Православное духовенство в тех регионах, где сильны позиции других религиозных течений, вынуждено искать «точки опоры» в тех условиях, когда происходит «поджимание» со стороны этих течений. Это характерно для регионов, где исторически сильны позиции ислама, буддизма и т. д. Это весьма серьезная проблема, и она требует своего изучения. Таким образом, мы получаем противоречивую ситуацию: в теоретическом плане — улучшение правового положения духовенства, а де факто этого не происходит. В связи с этим у меня вопрос к П. И. Гайденко. В чем, с Вашей точки зрения, заключается мотив стремления определенной части современного православного духовенства к некоей сословности? Это что — романтизация прошлого, это какое-то искаженное восприятие современного положения дел, или это происходит от недостатка образования?

П. И. Гайденко: На мой взгляд, противоречия, существующие сегодня в среде духовенства, отражают внутреннее ощущение несправедливости положения священнослужителя. И потому мечта о сословности в разных группах священнослужителей порождается разными причинами: где-то она подпитывается весьма высокой культурой, где-то, наоборот, низкой, но в любом случае это отражение несправедливости.

Эта несправедливость выражается в том, что богословие — дополненное самообразованием — убеждает, что священническое служение очень высокое. А когда священнослужитель сталкивается с реальными жизненными обстоятельствами, к которым он чаще оказывается не подготовлен, то появляется ощущение внутренней несправедливости священнической жизни...

А. А. Дорская: Хотелось бы поддержать идею А. А. Хохлова о том, что начиная с XIX в. правовое положение духовенства в России начало существенно меняться, но при этом сделать акцент на следующем. Российское государство на протяжении веков проводило политику, направленную на то, чтобы общаться не непосредственно с населением, а с определенными коллективами. Наиболее ярким примером таких коллективов были крестьянские общины, поскольку численность крестьян в Российской империи определялась от 83 до 87% от общего числа населения. Отмена крепостного права в 1861 г. и Судебная реформа, начавшаяся в 1864 г., стали нарушать сложившийся веками порядок, и в этих условиях духовенству стала отводиться роль посредника между государством и обществом, что во многом предопределяло правовой статус священнослужителей. Это очень хорошо почувствовали специалисты в области церковного права. В частности, профессор Московской Духовной академии Н. А. Заозерский. Когда 29 декабря 1889 г. были утверждены «Правила о производстве судебных дел, подведомственных земским начальникам и городским судьям», встал вопрос о том, что новые местные судебные органы не знают норм обычного права. Тогда возникла идея возводить в ранг третейских судей сельских приходских священников, имеющих представление как о местных нуждах, так и о привычных способах решения семейных, наследственных, имущественных и других проблем в конкретном населенном пункте. Этот проект не был реализован, однако он отражал общий подход государства. Священнослужители, с одной стороны, имели черты особого сословия, но с другой — были максимально и во многом искусственно приближены к большей части российского населения. Это одна из важных причин разрыва правового положения и фактического статуса духовенства в Российской империи, который так и не был преодолен до 1917 г.

С. Ф. Веремеев: Соглашусь с Ю. В. Оспенниковым в том, что необходимо изучать материальные основания. Еще хотел бы сказать о проблеме, связанной со священнослужителями, сознательно снявшими сан, — как с ними быть, какова их дальнейшая судьба? Что с обеспечением их семей? Это же касается монашествующих, покинувших монашество. Возьмет ли Церковь какую-то заботу об этих людях, помимо пастырской? Что же касается взаимоотношений Церкви и государства, то мне кажется, что форма конкордата, при всем своем несовершенстве, представляется наиболее предпочтительной.

А. Ю. Митрофанов: Признаюсь, мне печально слышать сегодня множество рассуждений о том, как хорошо Католическая Церковь сделала с конкордатом, а вот нам бы так!.. Мне кажется, что православным не нужно опираться на исторический опыт отделенных от Православной Церкви инославных сообществ. Его можно учитывать, но при этом мы должны строить наши отношения с внешними исходя из Предания Древней Церкви, которое, кстати сказать, гораздо более успешно воссоздается в протестантских общинах, определяя их отношения с государством. Этот опыт был бы для нас куда более плодотворен.

Диак. Сергей Кульпинов: При анализе правового положения духовенства нужно учитывать разницу между исполнением законов в столицах — Москве и Санкт-Петербурге, и тем, как они «считываются» на местах. Поскольку, если мы вспомним про обновленцев, то увидим: в 1922–23 гг. Советское государство — антирелигиозное по своему законодательству, но при этом на местах обновленцев «считывают» как новую «государственную» Церковь. Нечто подобное происходит в церковной среде и ныне, когда зачастую каноническое право толкуется так, как угодно тому или иному иерарху. За одно и то же деяние могут быть назначены совершенно различные наказания, и даже указания священноначалия на местах трактуются по-разному.

И еще хотел бы добавить к сказанному Ю. В. Ерохиной, коснувшись проблемы гуманизации и дегуманизации образа священника. Мне в процессе моей научной работы приходилось сталкиваться с примерами того, как обновленцы дегуманизировали своих оппонентов, и как их дегуманизировали «тихоновцы», и как государство дегуманизировало и тех и других. Изучение проблемы расчеловечивания весьма важно, и сейчас много исследований на эту тему.

С. О. Шаляпин: Возвращаясь к приведенной прот. Александром Задорновым аналогии между духовенством и военными, подводящей нас к мысли, что отношения в среде священнослужителей — это отношения служебного характера. В принципе, с этим можно согласиться. Но в таком случае необходима норма, устанавливающая, что именно эти отношения не подпадают под иные виды отношений (подобно законодательству о статусе судей, например). Но сейчас такого нет. Более того, мне приходилось общаться с составителями нынешнего Трудового кодекса России, которые прямо мне говорили, что в 2001 г. гл. 54 ТК РФ [Трудовой кодекс РФ] «Особенности регулирования труда работников религиозных организаций» принималась в том числе и по большому настоянию Патриархии. Это единственная глава, которая позволяет регулировать отношения между работником и работодателем, руководствуясь не нормами Трудового кодекса, а внутренними нормами религиозной организации. Эта норма, введенная в гл. 54, дала религиозным организациям свободу использовать свои внутренние положения, в том числе и каноническое право. Однако прошедшие 20 лет привели нас к неутешительному выводу, что трудовые договоры по гл. 54-й, насколько я понимаю, с работниками религиозных организаций не заключаются...

Свящ. Владислав Баган: Формы трудовых договоров были разработаны Московской Патриархией и разосланы по епархиям. Мы заключаем договоры с работниками религиозных организаций, но не со священниками. В Трудовом кодексе это условие оговорено. На практике возникают проблемы, поскольку суд при увольнении будет рассматривать совокупность факторов, руководствуясь буквой закона, а не нашими установлениями.

С. О. Шаляпин: Тогда возникает вопрос: если это отношения не трудовые, а служебного типа, то необходимо вносить соответствующую оговорку в закон, иначе это будут отношения вне правового поля. Безусловно, Церковь должна пользоваться своими внутренними нормами, тем более что есть тысячелетняя традиция, и необходимо произвести некоторые усилия, чтобы донести это до законодателя. И еще один момент. К дискуссии о конкордате. Сегодня в праве зарубежных стран понятие конкордата давно уже не ассоциируется с теми средневековыми представлениями о конкордатах с Католической Церковью, известных из истории. Например в научной литературе все соглашения правительства Испании с религиозными организациями (5 — с Католической Церковью и 4 — с иными деноминациями) принято именовать «конкордатными соглашениями», и это термин куда более широкий по смыслу, нежели ранее. В современных условиях надо понимать, что нельзя все вопросы взаимоотношений Церкви и государства решить одним махом. Но можно попытаться их разрешить заключением конкордатных соглашений на короткий, например пятилетний, период, после чего можно было бы сделать выводы об эффективности таких соглашений. Отдельная проблема: насколько законодатель готов вникать в каноническое право?..

Прот. Александр Задорнов: Хотел бы призвать к терминологической точности. Мы говорим, что религиозные организации не заключают договоры со священниками. Они не заключают договоры с клириками именно как со священнослужителями. Религиозные организации заключают договоры с клириками, которые в штатном расписании исполняют другие функции, например социального работника и т. д.

П. И. Гайденок: Есть еще вопрос о самостоятельности настоятеля прихода как руководителя юридического лица в принятии решений. Не слишком ли сегодня в Церкви осложнена эта ситуация?

Свящ. Владислав Баган: Не совсем соглашусь. Сегодня настоятель достаточно свободен. Вопросы принятая на работу и увольнения работников, кроме клира, это вопросы настоятеля. Конечно же, есть ограничения в распоряжении имуществом.

С. О. Шаляпин: Относительно посещения архиереем прихода хотел бы добавить исторический пример. Русский Север исторически входил в Новгородскую епархию. Так вот, за 400 лет новгородский архиерей был на Двине один раз!

А. В. Ведяев: Я согласен с тезисом сегодняшнего круглого стола, что духовенство практически полностью бесправно. Когда сегодня проводились аналогии с военными, с банковскими служащими, как-то забылось, что их и обеспечивают совсем по-другому... На мой взгляд, здесь несравнимые ситуации. С точки зрения права, государство данные вопросы относит на усмотрение религиозных организаций (внутренние установления, признаваемые государством). Как Церковь реализует свои права? Вот пример. Документ, принятый Архиерейским Собором в 2013 г., «Положение о материальной поддержке сотрудников религиозных организаций» [Положение о материальной и социальной поддержке]. Согласно этому документу, архиереи защищены прекрасно, клирики – практически никак, т.е. по минимуму. Прошло десять лет, и ничего практически не сделано. Более того, на местах даже то хорошее, что есть в этом документе, зачастую просто игнорируется. Исполнение этого документа на местах полностью зависит от епископа. Данная ситуация негативно влияет не только на современное состояние, но и на перспективу. Когда мы говорим о том, что поток абитуриентов в семинарии снижается, то причин здесь масса, но одна из главных – потенциальные абитуриенты видят, что духовенство фактически бесправно. А с учетом современного капиталистического, рыночного духа в обществе, особенно в среде молодежи, а также с учетом отсутствия сегодня даже минимального самопожертвования – что все-таки было в советское время – картина рисуется малорадостная... И если ситуация меняться не будет, то в перспективе это приведет к большим проблемам в Церкви, в том числе к маргинализации в среде духовенства. Либо окажется, что в священники идут только те, кто имеет уже какую-то финансовую независимость – пенсии, пособия и т.д., но какими они будут священниками, это большой вопрос... Также по вопросу заключения с духовенством трудового договора. Этот вопрос неоднократно поднимался, еще с 90-х гг., потом в 2013 г. предлагалось ввести обязательное заключение трудовых договоров. Против этого звучит множество аргументов (о чем сегодня тоже говорилось), но необходимо учитывать, что трудовое законодательство довольно гибкое, и оно способно воспринимать любые нюансы и особенности. Разумеется, служение священника – это именно служение, а не работа, но любой клирик при этом – гражданин, у которого есть права, и ряд этих прав просто обязан быть регламентированным законодательством.

Диак. Сергей Кульпинов: Может быть, проблема в том, что после окончания советской власти Церковь занялась своего рода симуляцией синодального периода?.. Почему-то синодальный период сочли лучшим временем церковной истории, и во многом те проблемы, которые есть сейчас, – это те же проблемы синодального периода. Многие вопросы, которые были тогда, есть у нас сейчас. В определенном смысле мы сегодня живем не в патриаршем периоде, а в «новом синодальном».

Б. И. Чибисов: Мой комментарий посвящен тем философским и теологическим предпосылкам, на которых П. И. Гайденко построил свой доклад. Павел Иванович обратил внимание на важный вопрос несоответствия социального и правового положения духовенства и определенных ожиданий. Но дело в том, что эта проблема рождается не сейчас, она связана прежде всего с тем, что любое религиозное сообщество попадает в эпоху модерна в ситуацию кризиса. Средневековый социум имеет свою философию права, свою философию морали и т.д., и когда наступает эпоха модерна, религиозное сообщество «загоняется» в определенный угол. Это порождает проблему. С одной стороны, государство выстраивает свои рамки параметров существования, с другой – религиозная структура продолжает отстаивать свою идентичность, свои права и пытается найти свое место в модернизированном обществе.

И в этой связи у религиозных организаций есть несколько стратегий выживания. Есть стратегия агрессивная. Такие модели мы видим, например, в радикальных исламских организациях, когда предпринимаются попытки создания теократических государств. Однако даже в исламском мире такая модель не получила особой поддержки. В целом религиозным сообществам остается как-то конструировать свое выживание в эпоху модерна (точнее, постмодерна), когда священнослужитель попадает в ситуацию двойственности. В пастырском богословии представление священника о самом себе моделируется на основе теологии, которая восходит к раннехристианским текстам. Поэтому и философия права продолжает существовать в Церкви в рамках средневековых представлений. Однако священнослужитель вынужден существовать в эпоху модерна, и потому его положение трудно. С одной стороны, священник должен отвечать параметрам средневековой теологии, с другой — должен учитывать современное право и представления о правах человека. Это выглядит как оксюморон, когда священник приходит к епископу и просит уважать его права! Перед ним сидит самовластный деспот, владыка, который является источником права, и говорить ему о том, чтобы уважали его права, просто комично. Конечно, можно говорить о светских решениях: пенсия, страховка и т. д., но, как мне кажется, решение должно быть принципиально теологическое. Причем теологам необходимо переосмысливать философию и пастырское богословие, т. е. насколько средневековые модели священнослужителя, его рефлексия подходят к той модели социума, в которой священник существует сейчас. Итак, есть конфликт между социальными условиями и теологическими основаниями священства, когда воспроизведение тезисов Средневековья и порождает сословную структуру. Особо подчеркну, что не хотелось бы, чтобы теологические исследования превращались в идеологические, особенно с учетом того, что ситуация с теологией в России довольно сложная...

Прот. Константин Костромин: К стати, если обращаться к советскому периоду российской истории и вспомнить архиеп. Михаила (Мудьюгина), то нужно не забывать, что владыка Михаил не является типологическим примером. Если судить по сохранившимся правовым документам периода его пребывания на Вологодской кафедре, трудно сделать вывод, насколько он руководствовался именно церковным правом в чистом виде (или церковными правовыми обычаями). Скорее, в большей степени это внутреннее самоощущение архиерея, осуществляющего властные полномочия и руководствующегося а) совестью и Священным Писанием и б) государственным законодательством о культах. Мне кажется, важно обобщить этот момент, показав, что в послевоенном Советском Союзе (поскольку довоенный СССР — это полное бесправие духовенства во всех смыслах) правовой статус духовенства, с одной стороны, бесправный, с другой — регламентированный государственным законодательством. И регламентировался он настолько жестко, что это был реально действующий правовой механизм, причем куда более действенный, чем сегодняшней, поскольку он был более детальным. И, что важно, куда более действенный, чем нынешней церковно-правовой. Поэтому правовое положение священнослужителя в СССР было намного более определенным, чем сегодня. Именно этим и руководствовались некоторые архиереи, включая владыку Михаила, которые обращали внимание на правовые детали. Здесь можно также вспомнить о Павла Адельгейма, который прекрасно знал советское законодательство, знал, на какие «болевы точки» можно было давить, ссылаясь на немногочисленные, но все же права... Таким образом, мы не должны недооценивать правовое положение советского священника.

Диак. Сергей Кульпинов: Не могу полностью согласиться с утверждением о. Константина о бесправности священников в довоенном СССР. Есть масса примеров, когда священнослужители весьма хитро пользовались существующей правовой системой, как это, собственно, было и после войны. Так что если Церковь и была полностью бесправна, то очень небольшой промежуток времени.

Н. А. Тарнакин: Соглашусь с о. Константином в том, что правовой статус священнослужителя в советские годы весьма неоднозначен, в чем-то даже парадоксален.

Что касается священников — преподавателей Ленинградской духовной академии в 1940–1960-е гг.¹², то их статус определялся в первую очередь государственным законодательством. Академия создавалась «из ничего», и митр. Григорию (Чукову) приходилось много общаться с уполномоченным по Ленинграду, чтобы иметь возможность приглашать преподавателей из разных регионов. Разумеется, все их взаимоотношения базировались исключительно на государственном законодательстве, в том числе и в случаях поражения священников в правах. Основным рычагом воздействия была т. н. регистрация, в которой уполномоченный мог отказать священнослужителю.

Также хотелось бы сказать пару слов по поводу копирования сегодня синодального периода. По моему мнению, это началось в Советском Союзе, когда Церкви возрождали жившие еще до революции священники и архиереи. В 40-х гг. они были носителями дореволюционной преемственности, которую затем передавали своим ученикам, и это дошло до наших дней. А в 90-е это расцвело пышным цветом, когда исчез контроль государства в лице уполномоченных.

Также пару слов по поводу теологических исследований. Ими скорее будут заниматься священнослужители, которые сразу же окажутся в ловушке. Они вынуждены пересматривать свою жизнь, свое отношение, взаимодействие с обществом, но зачастую, когда это происходит, это сразу ставит экономические вопросы. Поэтому я сомневаюсь, что в ближайшее время мы увидим такие исследования...

П. И. Гайденок: Завершая наш сегодняшний круглый стол, хотел бы поблагодарить всех его участников. Мне кажется, у нас получилось показать сложность и неоднозначность вынесенных на обсуждение проблем. Мы обозначили серьезные противоречия, существующие сегодня. Возможно, некоторые наши оценки прозвучали эмоционально, но они отражают как раз эту сложность и противоречивость положения современного священника не только в контексте права, но прежде всего в контексте канонического права. Как мы убедились, значительная часть ограничений, выпадающих на долю священнослужителя, исходит отнюдь не от государства, а из самой Церкви. Также мы наметили ряд тем для дальнейших наших исследований и обсуждений. Всем спасибо!

Источники и литература

1. Адельгейм (2008) — *Адельгейм П. А., прот.* Догмат о церкви в канонах и практике. Реанимация церковного суда. Нижний Новгород: [б. и.], 2008. 206, [1] с.
2. Адельгейм (2016) — *Адельгейм П. А., прот.* Современные проблемы каноники и экклезиологии в Русской православной церкви: материалы к лекциям. М.: Свято-Филаретовский православно-христианский ин-т, 2016. 141 с.
3. Барсовское общество — Общество изучения церковного права им. Т. В. Барсова Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви (Барсовское общество) // Сайт Издательства СПбДА. URL: <https://izdat-spbda.ru/barsovskoe-obshchestvo> (дата обращения: 27.03.2023).
4. ГПК РФ — «Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» от 14.11.2002 N 138-ФЗ (ред. от 18.03.2023) // Собрание законодательства РФ. 18.11.2002. № 46. Ст. 4532.
5. Дергачева, Мильков, Милькова (2016) — *Дергачева И. В., Мильков В. В., Милькова С. В.* Лука Жидята: святитель, писатель, мыслитель. М.: Мир философии, 2016. 416 с.
6. Документы Архиерейского Собора 2011 — Документы Архиерейского Собора 2011 г., IV. Обеспечение находящихся на покое Преосвященных архиереев // Патриархия.ру. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/1401830.htm> (дата обращения: 27.03.2023).
7. Жилищный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 188-ФЗ (ред. от 21.11.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // Собрание законодательства РФ. 03.01.2005. № 1 (часть 1). Ст. 14.

¹² Подр. см.: [Тарнакин, 2021].

8. Заявление Иерусалимского Патриархата (2005) — Архиерейский суд Иерусалимской Церкви лишил епископского сана бывшего Патриарха Иринейя // Патриархия.ру. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/25299.html> (дата обращения: 27.03.2023).
9. Конституция РФ — Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru/constitution/> (дата обращения: 03.04.2023).
10. Лосев (2021) — *Лосев В., свящ.* О некоторых правовых особенностях служения в церкви в контексте современного законодательства и церковных установлений // *Праксис*. 2021. № 2 (7). С. 43–55. DOI: 10.31802/PRAxis.2021.7.2.003.
11. О статусе военнослужащих — Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ (ред. от 29.12.2022) «О статусе военнослужащих» // Собрание законодательства РФ. 01.06.1998. № 22. Ст. 2331.
12. Оспенников (2023) — *Оспенников Ю. В.* Актуальные проблемы изучения церковного права (промежуточные итоги работы Барсовского общества) // *Христианское чтение*. 2023. № 1. С. 180–198. DOI: 10.47132/1814-5574_2023_1_180.
13. Перхавко (2012) — *Перхавко В. Б.* Средневековое русское купечество. М.: Кучково поле, 2012. 624 с.
14. Печников (2001) — *Печников М. В.* Новгородско-псковское движение стригольников XIV–XV веков: Дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2001. 246 с.
15. Печников (2009) — *Печников М. В.* Церковь и стригольники в Пскове в конце XIV — первой трети XV в. // *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*. 2009. № 3 (37). С. 88–89.
16. Печников (2019) — *Печников М. В.* Был ли Псков одним из еретических центров в конце XV в.? // *Вестник Университета Дмитрия Пожарского*. 2019. № 2 (14). С. 118–128.
17. ПСЗРИ — Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. СПб., 1830. Т. 26. № 19885.
18. Письмо Управления делами Московской Патриархии № 1086 — Письмо Управления делами Московской Патриархии от 11 марта 1998 г. № 1086 о порядке начисления и уплаты страховых взносов религиозными организациями. URL: <https://base.garant.ru/165883/> (дата обращения: 27.03.2023).
19. Подписан конкордат — Между Россией и Ватиканом подписан конкордат // Сайт Президентской библиотеки им. Б. Н. Ельцина. URL: <https://www.prlib.ru/history/619430> (дата обращения: 03.04.2023).
20. Положение о материальной и социальной поддержке — Положение о материальной и социальной поддержке священнослужителей, церковнослужителей и работников религиозных организаций Русской Православной Церкви, а также членов их семей. Документ принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 4 февраля 2013 г. // Патриархия.ру. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2775729.html> (дата обращения: 27.03.2023). (дата обращения: 27.03.2023).
21. Положение о церковном суде (2008) — Положение о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата). URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428440.html> (дата обращения: 27.03.2023).
22. Принципы права и церковный суд: проблемные поля — Круглый стол Барсовского общества «Принципы права и проблемные поля» // Сайт Издательства СПбДА. URL: <https://izdat-spbda.ru/barsovskoe-obshchestvo/post/kruglyj-stol-principy-prava-i-cerkovnyj-sud-problemnyye-polya> (дата обращения: 27.03.2023).
23. ПСРЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. М., 1961; Т. 3: Новгородские летописи (I, II, III). М., 2000; Т. 4: Новгородские IV и V летописи. Ч. 1. М., 2000.
24. Сологуб (2021) — *Сологуб В., диак.* Система управления высшим духовным образованием в новейшее время // *Праксис*. 2021. № 2 (7). С. 215–232. DOI: 10.31802/PRAxis.2021.7.2.014.
25. Тарнакин (2021) — *Тарнакин Н. А.* К вопросу о преемственности образовательной и научной моделей дореволюционных духовных школ в Ленинградской духовной академии и семинарии (вторая половина 1940-х гг.) // *Вестник Исторического*

общества Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 3 (8). С. 378–388. DOI: 10.47132/2587–8425_2021_3_378.

26. Трудовой кодекс РФ – Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 19.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2023) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

27. Устав РПЦ – Устав Русской Православной Церкви // Патриархия. ру. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/document/133114/> (дата обращения: 27.03.2023).

28. Церковное право в свете исторической науки – Круглый стол Барсовского общества «Церковное право в свете исторической науки» // Сайт Издательства СПбДА. URL: <https://izdat-spbda.ru/barsovskoe-obshchestvo/post/kruglyj-stol-cerkovnoe-pravo-v-svete-istoricheskoy-nauki> (дата обращения: 27.03.2023).

29. Церковное право и культура: грани взаимодействия – Круглый стол Барсовского общества «Церковное право и культура: грани взаимодействия» // Сайт Издательства СПбДА. URL: <https://izdat-spbda.ru/barsovskoe-obshchestvo/post/anons-nauchnaya-konferenciya-cerkovnoe-pravo-i-kultura-grani-vzaimodejstviya> (дата обращения: 27.03.2023).

30. Янин (2008) – Янин В. Л. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур, 2008. 400 с.